

Миссис Кто
Городская

Миссис Кто
Городская

«Автор»

2026

Кто М.

Городская / М. Кто — «Автор», 2026

Одиночество в пустой квартире, погасшие экраны телефонов и страх, когда абонент внезапно оказывается недоступен. Но когда надёжный мир Егора рушится под обломками старой мастерской, Алина понимает: пришло её время сделать шаг навстречу.

© Кто М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 - Разбитое сердце	5
Глава 2 - Деревенский хулиган	9
Глава 3 - Земляника и старый мотоцикл	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Миссис Кто Городская

Глава 1 - Разбитое сердце

Середина июля щедро плавила город. Сама природа гнала людей прочь из душных квартир — ловить уходящее тепло и растворяться в беззаботном летнем шуме. Раскалённый добела день неохотно уступал место вечерней прохладе. Улицы тонули в медовых сумерках, и первые огни фонарей уже вступали в спор с угасающим багрянцем заката.

По тенистым аллеям парка тянулся ленивый людской поток: звенел детский смех, у фонтана шумели подростки, а редкие велосипедисты бесшумно разрезали стгущающийся воздух. Этот мир дышал покоем и привычной, сонной размеренностью, даже не догадываясь о катастрофе, которая прямо сейчас разрывала одно-единственное сердце.

Алина сидела на краю деревянной скамейки у самой кромки озера. Пальцы до боли сводило — она слишком крепко сжимала бумажный стаканчик, в котором давно остыл недопитый латте. Мир вокруг потерял резкость и звуки: смех, плеск воды и шелест шин доносились до неё будто сквозь толщу грязного стекла.

В голове, перебивая мысли, стучал метроном: «Сегодня. Или никогда».

Она баюкала эту фразу с самого рассвета, катала на языке, как чужое заклинание, способное выжечь внутри страх и дать хоть каплю смелости. Сегодня всё закончится. Сегодня она скажет Максиму правду, которую бережно и мучительно прятала на самом дне души долгие семь лет.

Их история началась с общего двора и соседских дверей. Потом была неразлучная дружба: вместе в первый класс, общие домашние задания, вечно промокшие кеды в школьных лагерях, мандарины на Новый год и задувание свечей на тортах. Спроси кто-то Алину, кто самый близкий человек в её вселенной, она ответила бы имя «Макс» ещё до того, как вопрос дозвучал бы до конца.

Наверное, из-за этой абсолютной близости она и проглядела момент, когда дружба переросла в нечто большее. Изменения копились незаметно. Сперва ей просто тепло становилось от его искреннего, до слёз, смеха. Позже она поймала себя на том, что засматривается, как неловко он взъерошивает волосы, когда смущён. А потом её дни стали измеряться ожиданием: его сообщений, случайных встреч, мимолётных взглядов.

Осознание обрушилось внезапно — она любит. По-настоящему. Не той книжной влюблённостью, что проходит через неделю, а той редкой и взрослой любовью, когда чужое счастье безраздельно становится важнее собственного.

Месяцами она пыталась выжечь в себе это чувство. Словно мантру, упрямо твердила: «Он просто друг. Не ломай то, что есть. Рано или поздно это пройдёт». Но время не лечило. С каждым днём молчание становилось всё невыносимее, превращаясь в удушливую петлю. Каждодневная ложь самой себе истощила её до предела. Сегодня всё должно было решиться: Алина была готова либо поставить жирную точку в этой затянувшейся пытке, либо наконец перевернуть страницу и начать совершенно новую главу.

Родной силуэт выхватился из толпы почти мгновенно. Светлая футболка, джинсы, летящая походка. Макс шёл к ней, перебрасывая из руки в руку бутылку воды, и улыбался. Эта улыбка всегда была для Алины лучшей частью любого дня, но сегодня от неё перехватило горло.

— Долго скучаешь? — он сел так близко, что она почувствовала кожей тепло его плеча.

— Минут десять.

— Прости, автобусы сегодня выбились из графика. Ну, рассказывай, что за срочность? По твоему «нам нужно поговорить» я решил, что нас ждёт конец света.

Алина заставила себя приподнять уголки губ, глядя в его абсолютно спокойные глаза:

— Конец света откладывается... По крайней мере, для всех остальных.

После его смеха наступила пауза, которую они обычно делили без капли неловкости. Мир вокруг дышал безмятежностью: лениво плескалась о берег вода, звенели детские голоса, пахло скошенной травой и сладкой июльской липой.

Но Алина больше не принадлежала этому миру. Тишина навалилась на неё бетонной плитой. Сердце забило в сумасшедшем, рваном ритме, к ладоням прилип размокший картон. Она сжала стаканчик до упора, пытаясь через это физическое усилие заглушить панику и не сбежать прямо сейчас.

— Макс — её голос прозвучал тише, чем хотелось бы.

— М? — он повернул к ней голову.

— Ответь мне только честно. Пожалуйста. Без дураков.

Макс уловил перемену в её тоне. Шутливое выражение лица сменилось лёгким недоумением, но он согласно кивнул:

— Хорошо. Давай честно. Что такое?

Алина заставила себя посмотреть ему прямо в глаза. Воздуха в лёгких катастрофически не хватало, и слова, которые она годами носила под сердцем, сорвались лавиной:

— Ты думал когда-нибудь о нас? Ну, что мы могли бы быть не просто друзьями.

Сначала Макс нахмурился, будто не расслышал. Потом его лицо изменилось, а беззаботная улыбка сползла. Он отвернулся к воде — и этого жеста хватило, чтобы Алина всё поняла. Этот взгляд выдавал человека, который сейчас нанесёт удар, даже если сам этого не хочет.

— Алин...

— Просто ответь, — попросила она, хотя внутри уже всё выгорело дотла.

Он шумно выдохнул, глядя на свои кроссовки:

— Нет.

Слово ударило наотмашь, оглушая. Вокруг замолчали птицы, пропал шум парка.

— Вообще никогда? — она сделала последнюю, жалкую попытку защититься от реальности.

— Никогда.

В горле пересохло, стало трудно дышать. На самом дне сознания ещё билась глупая, жалкая мысль: вдруг он сейчас рассмеётся? Скажет, что это дурацкий розыгрыш, что он просто испугался, выдаст хоть какую-то ложь, способную склеить её разбитый мир.

— Почему? — её голос сорвался, превратившись в едва различимый шелест.

Макс судорожно взъерошил волосы, отчаянно подыскивая нужные фразы.

— Потому что — он запнулся, глядя на свои сцепленные пальцы. — Потому что ты для меня слишком важный человек. Слишком близкий.

— Разве это мешает? — прошептала она.

— Нет, но — Макс повернулся, и в его глазах Алина увидела такую сокрушительную, невыносимую жалость, что ей захотелось закричать. — Я люблю тебя, Алин. Но как сестру.

Этот приговор окончательно выжиг всё внутри. «Как сестру». Из его уст это звучало не оскорблением, а высшим проявлением нежности, но именно это и убивало. Не как женщину. Не как ту, с кем засыпают и строят жизнь.

Алина опустила голову, глядя на свои колени. Если она поднимет глаза хотя бы на секунду, плотину прорвёт, и она разрыдается прямо здесь, у всех на виду.

— Прости — тихо выдохнул он.

— Не надо! — выпалила она, перебив его пугающе быстро. Голос прозвучал хлётко, как пощёчина. Макс нахмурился, явно не узнавая её.

— Алин!

— Не извиняйся, Макс. Пожалуйста.

— Я правда не хотел делать тебе больно...

— Я знаю, — она снова не дала ему закончить. — Знаю. Просто мне нужно было это услышать. Услышать правду.

Его пальцы осторожно накрыли её ладонь. Раньше от этого мимолётного тепла у неё перехватывало дыхание, а по коже бежали искры. Теперь его рука казалась чужой, холодной и невероятно тяжёлой, словно налитой свинцом. Хотелось отдёргнуть пальцы, спрятать в карман, сбежать — но внутри не осталось ни единой капли энергии даже на то, чтобы просто пошевелиться.

— Мы же останемся друзьями? — Макс заглянул ей в лицо, отчаянно ища в её глазах привычное спасение.

Этот вопрос добил её. Последний, контрольный выстрел. Алина медленно подняла голову, заставив себя посмотреть ему прямо в глаза, и пелена наконец спала. Мир обрёл пугающую, безжалостную ясность. Перед ней сидел парень, который действительно ничего к ней не чувствовал. Никогда. Ни единой секунды. Огромный, яркий мир её надежд, который она бережно выстраивала семь лет, оказался карточным домиком, существовавшим только в её голове.

Напрягая последние силы, она медленно, сантиметр за сантиметром, высвободила свои пальцы из его ладони. Тепло ушло.

— Не знаю, Макс, — тихо, но твёрдо произнесла она.

— Алина...

— Мне пора.

Она поднялась со скамейки. Макс тут же вскочил следом, преграждая дорогу:

— Подожди, давай нормально поговорим! Не уходи так.

Она качнула головой, даже не глядя на него:

— Не сейчас. Сейчас я ничего не смогу сказать.

Алина развернулась и пошла прочь по аллее. Золотистые сумерки июльского вечера всё так же щедро заливали парк, фонари продолжали свой извечный спор с закатом, а у фонтана всё так же беззаботно смеялись подростки. Город жил своей размеренной жизнью, окончательно похоронив бурю, которая только что утихла в одном-единственном сердце, оставив после себя лишь выжженную, пустую землю.

Дома её встретил мёртвый, неподвижный воздух. Родители ещё не вернулись. Алина заперла замок, прислонилась спиной к прохладному дереву двери и только теперь позволила плотине рухнуть. Слезы душили, обжигали щеки, катились беззвучно и неостановимо. Ноги подогнулись, и она сползла на коврик в прихожей, уткнувшись лицом в колени.

Семь лет. Семь лет глупых надежд, пустых ожиданий и тайной любви. Семь лет её жизни Макс перечеркнул одним коротким, как выстрел, словом: «Нет».

Ей необходимо было исчезнуть. Спрятаться там, где её никто не найдёт и не станет задавать вопросов, пока рана хотя бы немного не затянется. Ответ вспыхнул в голове мгновенно — деревня, к бабушке.

Ворвавшись в свою комнату, Алина сдёргнула со шкафа старую дорожную сумку. Ткань затрещала под её пальцами. Одежда — футболки, джинсы, тёплая толстовка — летела внутрь комками, хаотичным ворохом. Она запихивала вещи вслепую, даже не глядя на цвета, ведомая единственным желанием: бежать.

Телефон в кармане джинсов коротко вздрогнул.

Макс: *«Прости меня»*. И следом: *«Я очень не хочу потерять нашу дружбу»*.

Алина смотрела на эти строчки с глухим равнодушием. Макс спасал свою совесть. А ей нужно было спасать себя. Уехать, скрыться, переждать шторм. Спрятаться там, где можно вырветь всю свою боль без лишних вопросов.

Она открыла контакт, который всегда ассоциировался с теплом и покоем: *«Бабуль, можно к тебе на пару недель?»*

Ответ прилетел сразу, будто её ждали: *«Конечно, родная. Приезжай. Я так соскучилась»*.

Алина отключила звук уведомлений и бросила телефон в сумку. Тень улыбки скользнула по её лицу. Завтрашний рассвет она встретит в автобусе, увозящем её прочь от разрушенных иллюзий.

Глава 2 - Деревенский хулиган

Старый ПАЗик лениво полз по разбитой просёлочной дороге, шумно вздыхая на кочках и неохотно преодолевая каждый километр. За пыльным окном давно растаяли в дымке силуэты многоэтажек и бесконечные потоки машин — казалось, Алина оставила позади не просто город, а целую жизнь. Теперь вокруг раскинулись бескрайние, залитые солнцем поля, вдали тёмной стеной вставали густые леса, а в редких деревушках время словно замирало, убаюканное полуденным зноем.

Алина прислонилась лбом к дребезжащему стеклу, кожей ощущая, как увеличивается дистанция между прошлым и настоящим. Она смотрела на проплывающие пейзажи, но видела лишь обрывки воспоминаний — они мелькали перед глазами, как кадры зажёванной старой киноплёнки. Телефон в кармане казался свинцовым и чужим. За всю дорогу она включила его лишь однажды. Три пропущенных. Все три — от него.

«Твоя мама сказала, что ты поехала к бабушке. Это правда?»

«Пожалуйста, ответь».

«Я волнуюсь».

Алина долго гипнотизировала светящийся экран, пока строчки не поплыли перед глазами. Затем решительно нажала на кнопку питания. Экран погас. В её молчании не было злости или желания наказать его. Просто эти короткие строчки жгли кожу, как соль, попавшая на свежий порез. От его заботы хотелось сжаться в комок, забиться под сиденье и зажать уши.

— Конечная! — хрипло и устало выкрикнул водитель, с грохотом дёрнув рычаг ручного тормоза. Он явно был рад завершить этот изматывающий рейс.

Алина подхватила потяжелевшую сумку и шагнула на землю. Местный воздух ошеломлял — густой, прогретый июльским солнцем, он пах смолистыми соснами, сухой травой и нагретой землёй. Этот родной, домашний аромат обволакивал, убаюкивал, и на секунду у неё сладостно перехватило дыхание.

Вокруг застыл тихий пейзаж: пара деревянных домиков, сельмаг и старый автобусный навес с облупившейся синей краской — уцелевший островок из её дачного детства.

— Алиночка!

Она не успела обернуться. Родные руки крепко, до хруста прижали её к себе, и окружающий хаос мгновенно растаял, уступая место первозданной простоте и покою.

— Бабушка!

— Господи, прозрачная совсем стала, похудела-то как, — прошептала Мария Ивановна. Она держала внучку крепко, будто защищая от всего внешнего мира.

— Всё хорошо, ба, — тихо ответила Алина, утыкаясь носом в её тёплую трикотажную кофту.

— Не обманывай старую, — мягко, но твёрдо отозвалась бабушка, ласково огладив её осунувшееся лицо. — Пойдём в дом. Я пирогов напекла. Твоих любимых — с вишней и с капустой.

Несмотря на свои семьдесят, Мария Ивановна шагала на удивление бодро, легко обходя колдобины на пыльной грунтовке. Навстречу то и дело попадались местные. В их простых, будничных приветствиях было столько неподдельного тепла, что у Алины то тоскливо, то сладко сжималось сердце.

— Здравия, Ивановна!

— Доброго здоровья, Михалыч!

— Гости у вас?

— Да, вот, городская моя приехала, — с сияющей гордостью отзывалась бабушка, ласково перехватывая Алину под локоть.

Прохожие кивали, улыбались, и Алина неловко, но впервые за долгое время искренне улыбалась в ответ. «Городская». Это прозвище закрепилось за ней с детских лет. В нём никогда не было чуждости или упрёка — лишь мягкая, добродушная ирония. Напряжение внутри наконец начало отпускать, словно кто-то невидимый бережно снял с её плеч неподъёмную свинцовую плиту.

Дом Марии Ивановны упрямо сопротивлялся времени. Покосившаяся белая калитка всё так же крепко держалась на старых петлях. Раскидистая яблоня во дворе по-прежнему щедро делилась густой прохладной тенью. А чуть в стороне замерли деревянные качели, когда-то сбитые дедушкой, — скрипучие, но всё такие же надёжные.

Оставив сумку в прохладном полумраке комнаты, Алина закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Здесь пахло пучками сушёной мяты под потолком, остывающим подовым хлебом и тем самым чистым детством, которое измеряется не прожитыми годами, а внутренним покоем. Впервые за последние сутки тиски в груди разжались — казалось, сама вековая тишина этого дома обладала целебной силой.

Первые три дня Алина спасалась работой в огороде. Она дотемна поливала огуречные грядки, бережно, чтобы не раздавить, снимала с кустов спелую малину, кормила кур, которые быстро привыкли к её шагам. Вечерами они с бабушкой подолгу сидели на крыльце, слушая, как остывает и затихает деревня, и пили чай с вишнёвым вареньем. В эти минуты казалось, что боль уходит, растворяясь в простых крестьянских заботах. Но стоило оставленному в комнате телефону глухо зажужжать на полке, как пульс снова взлетал, напоминая: рана ещё глубокая.

От Макса прилетало по несколько строчек в день. Алина не отвечала. Но настоящая катастрофа случилась, когда экран мигнул сообщением от старосты курса: *«Алин, тут слух ходит, что вы с Максимом поссорились из-за твоего признания Это правда?»*

Мир вокруг Алины словно зашатался. Студенческие каникулы были в разгаре, но сплетни распространялись со скоростью лесного пожара. Спрашивать, откуда поползли эти слухи, было бессмысленно — Алина хранила эту тайну семь лет и никому не сказала ни слова. Она проигнорировала входящий вопрос, но внутри всё выгорело дотла от жгучей обиды. В этот момент на пороге появилась бабушка:

— Алин, сходи за хлебом, пожалуйста.

Алина кивнула, швырнула звенящий телефон на кровать и пошла к выходу. Деревенская улица казалась ей сейчас единственным спасением от позора, который творился в городских чатах.

Возле деревенского магазина на лавочке расположился привычный совет старейшин. Когда Алина поравнялась с ними, шёпот на мгновение прервался.

— Ивановны девка приехала?

— Ну да, Алинка.

— Гляди-ка, расцвела как. Глаз не оторвать.

Девушка поспешила скрыться в дверях, пряча вспыхнувшие от неловкости щёки. Внутри царил приятный сумрак. Торговый зал дышал ароматами свежей выпечки и приглушённым деревенским уютом. Алина взяла свежий батон, пакет молока и пару шоколадных батончиков для Марии Ивановны. Ей было жизненно важно переключить мысли на заботу о ком-то родном, чтобы окончательно не утонуть в обиде.

Когда Алина спустилась со ступенек, её мысли оборвал чужой разговор. За углом здания шумели парни. Центром компании явно был высокий широкоплечий брюнет, стоявший у чёрного мотоцикла. Потёртая кожаная куртка и растрёпанная причёска придавали ему вид вольного бродяги. Он улыбался, слушая друзей, но внезапно повернул голову.

Наткнувшись на Алину, он не отвёл глаз. Его серый, изучающий взгляд был лишён бесцеремонности. В нём читался только чистый интерес. Этот спокойный, не давящий интерес заставил Алину на секунду забыть, о чём она думала мгновение назад.

Она первой отвела взгляд и поспешно зашагала по дорожке. Но не успела сделать и трёх шагов, как спину догнал негромкий, с хрипотцой голос:

— Эй, городская!

Алина замерла. На секунду в ней всколыхнулась городская привычка проигнорировать, но ноги сами развернули её обратно. Обернувшись, она обнаружила парня в паре шагов от себя. Высоченный — под метр девяносто, не меньше. Потёртая кожа куртки слабо пахла бензином и дорогой. Он смотрел сверху вниз с абсолютным, непрошибаемым спокойствием.

— Что? — Алина сжала ручки холщовой сумки, пряча неловкость за напускной грубостью.

— Ты внучка Марии Ивановны?

— Допустим.

Он медленно наклонил голову, изучая её реакцию:

— Хорошо. Понятно.

Пауза затянулась, но воздух между ними не стал тягостным — скорее, он осязаемо сгустился, наэлектризованный взаимным интересом. Алина уже перехватила поудобнее сумку, собираясь развернуться, когда он вдруг произнёс:

— Меня Егором зовут.

— Очень приятно, — машинально отозвалась она, отвыкшая от таких простых знакомств.

— А тебя?

— Алина.

Он приподнял уголок губ — сдержанно, но удивительно тепло:

— Красивое имя. Тебе идёт.

Смутившись, она уткнулась взглядом в холщовые ручки сумки, словно на них был напечатан готовый сценарий разговора.

— Спасибо.

Сзади, со стороны мотоцикла, долетел дружный гогот и чей-то зычный окрик:

— Егорыч! Хорош городскую прессовать, отпусти девку!

Дружки шумно заржали, но Егор даже ухом не повёл. Он продолжал смотреть Алине прямо в глаза.

— Не обращай внимания, — ровно попросил он.

— Почему?

На его лице промелькнула насмешка:

— Потому что они придурки.

— Мы вообще-то всё слышим! — тут же прилетело от магазина.

— Ну и слышьте на здоровье, — даже не повышая голоса, отрезал Егор.

Позади снова загоготали, но уже тише, без прежнего задора. Алина невольно приподняла уголки губ и сама поразилась этому ощущению — улыбка родилась легко, без привычного за последние дни усилия. Егор поймал это мгновение.

— Вот. Так гораздо лучше, — кивнул он.

— Что лучше? — растерялась она.

— Улыбаться. Тебе это идёт куда больше, чем грустная мина.

Алина удивлённо вскинула на него глаза:

— Ты ведь видишь меня впервые в жизни.

— И что? — Егор небрежно повёл плечом. — Чтобы заметить, когда человеку паршиво, много времени не надо.

Эти слова попали в самую цель, застав её врасплох. В его тоне не было липкой жалости или навязчивого сочувствия, которые так пугали её в сообщениях Макса. Просто спокойное,

честное признание её боли — без лишних расспросов. Она промолчала, лишь крепче перехватила ручки сумки, пытаясь унять лёгкую дрожь в пальцах.

— Мне идти пора, — наконец выдохнула она.

— Иди, — согласился Егор. Он плавно отступил на обочину, возвращая ей личные границы. На его губах снова заиграла едва уловимая усмешка. — Ещё увидимся, городская.

Алина кивнула и пошла домой. Ей казалось, что серые глаза всё ещё провожают её взглядом. В нём не было угрозы — только молчаливая поддержка, будто незнакомец мысленно просил её держаться. Дома Алина принялась выкладывать продукты на стол. Бабушка в это время помешивала суп, и от этого привычного, мирного шума тревога отступила.

— Ну как, сходила? — спросила Мария Ивановна, не оборачиваясь.

— Хорошо, — ответила Алина.

Половник в руке бабушки на секунду замер. Она обернулась и посмотрела на внучку тем особенным, пронизательным взглядом, который бывает только у близких, — видя всё, что та пыталась скрыть за коротким ответом.

— Как тебе Егор? — как бы между прочим спросила она.

Алина вскинула голову:

— Откуда ты знаешь, что я с ним познакомилась?

— Полдеревни уже знает, — бабушка негромко рассмеялась. В её голосе звенела тёплая, почти материнская ирония. — Здесь новости летят быстрее интернета.

— И кто он такой? — осторожно спросила Алина, удивляясь собственному любопытству. Улыбка Марии Ивановны стала загадочной.

— Хороший парень. Только язык острый, кулаки тяжёлые, а характер упрямый характер. Много про него болтают.

— И что, правду?

Бабушка качнула головой:

— Люди любят судить по слухам. Да, Егор дрался. Да, в полицию его таскали. Но никто ведь не расскажет, за что.

— За что? — подалась вперед Алина.

— За то, что слабых защищал, — просто ответила бабушка. Она снова повернулась к плите, но слова её прозвучали весомо. — В прошлом году местный пропойца к девчонке-школьнице пристал. Егор один на него пошёл. Сам огреб, но малую в обиду не дал. А зимой деда Митяя из горящего сарая вытащил. Весной крыши чинил после урагана — и ведь ни рубля ни с кого не взял. Только про это молчат. Обсуждать чужие драки куда интереснее.

Алина задумалась. Перед глазами снова возник этот открытый, спокойный взгляд. Он никак не вязался с образом отчаянного деревенского хулигана, который уже успело нарисовать её воображение.

А в это время у старого сельпо Егор снова перекидывал ногу через сиденье мотоцикла.

— Ну что? — ухмыльнулся приятель, сидевший на лавке. — Познакомился?

Егор крутанул ручку газа. Мотор отозвался низким, хриплым рокотом.

— Познакомился, — коротко бросил он.

— И как тебе городская?

Он на секунду замер, глядя куда-то мимо друзей, а потом улыбнулся — так, что распросы сами собой отпали. В этой улыбке было слишком много личного.

— Красивая, — сказал он, натягивая шлем. И добавил совсем тихо, почти про себя: — Только глаза у неё... грустные очень.

Рёв двигателя вспорол деревенскую тишину. Мотоцикл сорвался с места, оставив после себя лишь облако сухой пыли, которая лениво оседала на прогретую солнцем дорогу

Глава 3 - Земляника и старый мотоцикл

Деревенское утро начиналось иначе, чем в городе. Никаких резких будильников, над-рывного гула машин и вечной суеты. Алину разбудил пронзительный, горделивый крик петуха — главный местный манифест о том, что новый день настал. Из-за стены доносилось ленивое мычание соседской коровы, а сквозь распахнутые створки тянуло запахом росистой травы и парного молока.

Светловолосая девушка перевернулась на бок и зажмурилась от удовольствия. Впервые за долгие месяцы она проснулась по-настоящему отдохнувшей. Сон был глубоким, без привычной ночной тревоги. Но стоило экрану телефона ожить в её руке, как покой мгновенно улетучился, смитый холодной волной реальности.

Три новых сообщения. Все от от бывшего лучшего друга.

«Я правда не хотел тебя обидеть».

«Почему ты молчишь?»

«Поговори со мной. Хотя бы раз».

Пальцы замерли над стеклом экрана. Сперва накатила яростная волна — безумно захотелось выплеснуть в ответ всё, что накопилось, ударить его словами, причинить ту же боль. Но запал быстро сошёл на нет, оставив после себя лишь глухую, давящую пустоту. Алина погасила экран и засунула телефон в самый дальний угол тумбочки. Поглубже, под ворох каких-то старых журналов, будто пряча там всю свою прошлую городскую жизнь. Если они и поговорят, то явно не сегодня.

После ледяной воды из рукомойника дышать стало легче. На кухне уже ждал завтрак. Мария Ивановна хлопотала у стола, охотно расспрашивая, как спалось на новом месте, не замерзла ли внучка ночью и не пугали ли её мыши под полом. В этих простых, домашних расспросах было столько безусловной любви, что лед внутри Алины начал понемногу таять.

После завтрака бабушка ласково попросила:

— Алинушка, сходи, пожалуйста, на вырубку за земляникой. Хочу к вечеру пирог затеять.

— Конечно, — улыбнулась Алина.

В этом согласии не было принуждения — только робкое желание стать частью этого мирного, согретого солнцем дома. Она взяла эмалированное ведёрко и пошла по тропинке, знакомой с самого детства. Солнце едва поднялось над лесом, поджигая верхушки сосен золотом. Просека встретила её густой, сочной прохладой, словно чаща до последнего удерживала ночные сумерки. Воздух здесь был совсем другим — тягучим, пахнувшим разогретой смолой, мхом и багульником. Алина присела у края поляны. Прямо под ногами в зелёной траве горели багровые капли спелых ягод. Они казались тёплыми, будто впитали в себя всё летнее тепло. Набирая первую горсть, Алина невольно вспомнила, как давным-давно они собирали здесь землянику вместе с дедушкой. Его сейчас так не хватало.

Не прошло и получаса, как за спиной раздался знакомый голос:

— Доброе утро, городская.

Алина вздрогнула от неожиданности. Обернувшись, она увидела Егора. Сегодня он был без куртки — в простой чёрной футболке и полинявших джинсах. На плече покачивалось пластиковое ведро, уже почти доверху наполненное багряной земляникой.

— Ты всегда так подкрадываешься? — нахмурилась она, маскируя смущение напускным недовольством.

— Нет. Только к тем, кто витает в облаках, — спокойно ответил он и присел на корточки рядом. — Богатый улов?

Алина поглядела на своё донышко. Там сиротливо ютилась лишь скромная горсть.

— Не очень, — призналась она. Егор заглянул внутрь и картинно вздохнул, будто перед ним была не ягода, а вселенская катастрофа. — М-да. С такими темпами ты тут до ночи просидишь.

— Постараюсь управиться раньше, — упрямо буркнула она.

Он молча наклонил своё ведро, и в её ведёрко звучным потоком хлынула добрая половина его добычи. Алина даже рот приоткрыла от возмущения:

— Эй! Ты что творишь?

— Помогаю.

— Я не просила.

— А я и не спрашивал.

— Но ты же сам собирал!

— И ещё соберу, — отрезал он. Егор ловко перехватил дужку и поднял своё ведро повыше, перечеркивая её попытку вернуть всё назад. — Даже не думай.

— Это ещё почему?

— Потому что я сильнее, — он чуть прищурился, и в углах его губ заиграла знакомая усмешка.

Алина шумно выдохнула от такой наглости:

— Самоуверенный тип.

— Реалист, — парировал он.

Она фыркнула, но губы сами собой дрогнули в улыбке. Лицо Егора тут же посветлело — казалось, ради этого капризного жеста он готов был выкосить всю поляну.

Дальше дело пошло быстрее. Они собирали ягоды бок о бок, перескакивая с темы на тему: болтали о городе, деревенских привычках, кино и музыке. К своему изумлению, Алина обнаружила, что этот резковатый парень неплохо разбирается в литературе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.